

A romantic couple is shown in a close embrace, nearly kissing. The woman, on the left, has long, wavy blonde hair and is wearing a red t-shirt. A tattoo of a butterfly is visible on her left upper arm. The man, on the right, has dark, wavy hair and a beard, and is wearing a black t-shirt. They are standing in front of a wooden building with a snow-covered roof. Snowflakes are falling around them, creating a romantic atmosphere.

ВЕРА РУДЕЦКАЯ

ТВОЙ ГЛАВНЫЙ
Запрет

18+

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Вера Рудецкая

Твой главный запрет

<https://litres.ru/73952519>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он мажор, чужой в мире своей матери. Я — дерзкая дочь олигарх, или просто пытаюсь казаться такой, чтобы не показывать слабость. Я боюсь его: он единственный, кто видит меня насквозь. Но я не могу отвести взгляд. Особенно теперь, когда наши родители поженились.

Вжимаюсь в угол. Взгляд цепляется за его фигуру.

— Пялишься, — бросает он, не открывая глаз.

Меня передёргивает.

— Не пялюсь.

Открывает глаза и медленно оглядывает меня: голые щиколотки, мягое худы, растрёпанные волосы.

— Батя выгнал?

— Ещё чего, — пытаюсь говорить дерзко, но голос предательски слабеет.

Ярик смотрит прямо в глаза. Щёки начинают гореть. Он видит страх. Видит, как я вцепилась в рюкзак.

— Неудивительно.

В голове тут же вспыхивает: уродина.

— Спасибо за комплимент. Зато у меня есть мозги.

Жду вспышки злости. Но он подходит ближе. Я ёжусь. От него идёт жар.

Наклоняется к лицу.

— Мозги? — тихо переспрашивает. — Тогда держись от меня подальше. Целее будешь.

Нежная, щемящая история о любви и выборе

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	49
Глава 8	54
Глава 9	61
Глава 10	68
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Твой главный запрет

Пролог

Хочу исчезнуть.

Стереть себя ластиком из реальности, как неудачный набросок.

В холле нашего элитного ЖК, как всегда, пахнет чистотой и деньгами. Мёртвый запах. Я натягиваю капюшон огромной толстовки на самый нос, пряча лицо. Только бы не встретить соседей. Только бы не увидеть знакомых отца.

Для них я — ошибка. Пятно на репутации Виктора Сергеевича. Дикая, сорвиголова — так меня называют, когда не знают, как иначе объяснить, что я не вписываюсь. Чудо в перьях, которое позорит фамилию стоптанными кедами и рюкзаком, набитым мятными конфетами, наушниками и таблетками от головы, а не тем, что положено.

Снаружи я смеюсь, шагаю прямо, взгляд дерзкий. Внутри — я вся из тонкого стекла, а в ушах звенит пустота.

Я ныряю в нутро лифта и вдавливаю кнопку пентхауса. Двери начинают смыкаться. Я почти выдыхаю. Почти верю, что спасена.

Но в последнюю секунду в щель просовывается мужская рука.

На запястье блестят часы. На коже — вязь татуировок,

уходящих под рукав кожаной куртки.

Двери разъезжаются.

В кабину шагает хаос.

Сначала меня накрывает запах. Табак, осенний дождь, дорогой одеколон и... что-то ещё. Что-то сладкое, душное, женское.

Он входит не один.

На его локте висит кукла. Глянцевая, с ногами от ушей и губами, накачанными до состояния спелой вишни. Она хихикает, что-то шепчет ему на ухо и смотрит на него так, словно он — бог, сошедший на землю.

Я вжимаюсь в угол, стараясь слиться с металлической обшивкой. Превратиться в тень. Они меня даже не замечают. Для таких, как он, я — пустое место. Текстура. Мебель.

Он нажимает кнопку двадцать четвёртого этажа. Лифт трогается, унося нас вверх.

— Ты сумасшедший, — мурлычет девица, обвивая руками его шею.

— Тебе же нравится, — его голос низкий, с хрипотцой.

От этого звука по позвоночнику пробегает разряд.

Он прижимает её к поручню.

Я резко отворачиваюсь, но уже поздно. В тесном пространстве воздух наэлектризовывается. Становится жарко. Я слышу их дыхание, шорох одежды, звук поцелуя.

Мне становится стыдно. Стыд заливает щёки.

Я чувствую себя вуайеристкой, подглядывающей в замоч-

ную скважину. Я должна смотреть в пол. Смотреть на свои кеды. Куда угодно.

Но напротив — зеркальная стена.

И она отражает нас троих. Меня — в огромной толстовке, с напряжёнными плечами, закатившую глаза к потолку в показном раздражении. Но взгляд выдаёт смятение. И парня — широкую спину, пальцы, сминающие шёлк на её талии, губы у самой её шеи. Мне кажется, сейчас он её проглотит.

Это красиво. И это отвратительно.

Я ненавижу его. За наглость. За свободу. За то, что он может брать от жизни всё, пока я боюсь даже дышать.

И вдруг, словно почувствовав мой взгляд, он открывает глаза.

Не отрываясь от куклы. Просто поднимает веки. В зеркале наши взгляды встречаются.

Я дёргаюсь, как от удара током. Хочется провалиться сквозь пол, испариться, умереть прямо здесь. Он поймал меня. Видит, как я пялюсь.

И он смотрит.

В его тёмных глазах — спокойствие хищника на своей территории.

Уголок губ дрожит в усмешке.

Парень подмигивает.

Один раз. Не прерывая поцелуев.

«Нравится шоу, малышка?»

Меня бросает в жар. Сердце проваливается вниз, потом

взлетает к горлу. Я задыхаюсь в прямом смысле.

Двери открываются на двадцать четвёртом. Он отстраняется от девицы так же легко, как и прижимал её. Шагает в холл, увлекая её за собой. Не оборачивается.

Двери закрываются, отрезая их от меня. Я остаюсь одна. Но в кабине всё ещё пахнет ими. Дождём, табаком и жаром их тел.

Я касаюсь щеки ледяными пальцами. Ноги дрожат.

Я не знаю, кто он. Не знаю его имени.

Но я точно знаю одно: он — самая опасная личность в этом доме.

И я ненавижу его.

Боже, как же я его ненавижу.

Глава 1

Ярик. Чужой среди своих

Дождь здесь пахнет иначе — гранитом, ландшафтным дизайном и тоской. Не так, как в коттеджном посёлке, где я раньше жил.

Я сижу на капоте своей тачки. Металл под задницей остыл, вода течёт за шиворот, пропитывая косуху, но мне плевать. Холод немного остужает ту дрянь, что кипит внутри.

Джинсы царапают полировку тачки ценой в пятнадцать миллионов. Если бы это увидел кто-то из соседей — вызвали бы дурку. Но двор пуст. В такую погоду хозяева жизни нос на улицу не суют. Только камеры наблюдения плятятся на меня красными диодами со столбов, как стая шакалов.

В правой руке — ребристая поверхность Zippo.

Щёлк. Огонь.

Щёлк. Темнота.

Вдох-выдох.

Единственный звук, который перебивает шум ливня и мысли в голове.

Запрокидываю голову. Капли бьют в лицо, размывая картинку, но свет вижу отчётливо. Двадцать пятый этаж. Пентхаус. Окна во всю стену сияют, как витрина ювелирного. Тёплый свет.

Даже отсюда, с земли, я чувствую, как там пахнет. Лилиями, деньгами и лицемерием. Там, наверху, моя мать чокается хрусталём с новым мужем. Две акулы сливают капиталы в общий аквариум.

Свадьба, твою мать.

А внизу, как приبلудный пёс, сижу я. Сын, которого «неудобно» показывать инвесторам. Ошибка молодости. Пятно на белоснежной скатерти её жизни.

Я снова чиркаю зажигалкой. Пламя дрожит на ветру, едва не опаляя ресницы. Они думают, что купили меня. Что посадили в отдельную клетку, дали тачку, кредитку, чтобы я заткнулся. Но они не понимают одного.

Волк в клетке не становится собакой. Он ждёт, когда зритель забудет запереть засов.

Я затягиваюсь сигаретой, глядя на окна.

— Горько, — выдыхаю вместе с дымом.

Щёлк.

Огонь гаснет.

Катя. Неудобная дочь

Я задыхаюсь.

Дурацкий изумрудный шёлк, стоящий как почка среднестатистического москвича, сжимает рёбра, будто средневековая пыточная машина. Я втягиваю живот так сильно, что перед глазами плывут цветные круги, и дёргаю молнию вверх.

Ткань скрипит. Или это хрустят кости.

Я упираюсь ладонями в холодную мраморную столешницу и решаюсь поднять глаза. Зеркало во всю стену — мой враг номер один. Оно никогда не врёт. И за это я его ненавижу.

Оттуда на меня смотрит нечто.

Не девушка.

Ряженный клоун.

Плечи в этом платье кажутся мне огромными — слишком широкими и грубыми. Руки висят вдоль тела плетями. Стрижка «короче, чем следует», сделанная назло отцу месяц назад, потеряла форму и топорщится над бриллиантовым колье.

«Очаровательна, но не отшлифована», — сказала мне как-то экономка. Я знаю, что она хотела утешить. Но я вижу правду: никакая шлифовка не поможет булыжнику стать бриллиантом.

— Господи, какое убожество, — шепчу, чувствуя, как к горлу подступает тошнота.

В углу валяется серое худи. Единственная вещь, в которой я чувствую себя собой, а не манекеном для чужих амбиций. Мне хочется сорвать с себя шёлк, влезть в старые джинсы и исчезнуть.

Дверь гардеробной распахивается без стука. Я вздрагиваю, вжимая голову в плечи.

Виктор Сергеевич никогда не входит в комнаты. Он вры-

вается, заполняя собой пространство.

Он замирает у порога, разглядывая меня взглядом оценщика в ломбарде. Запах его одеколона — тяжёлый, удушливый — вытесняет воздух.

— Не горбись! — говорит отец.

Я выпрямляюсь. Позвоночник становится ледяным стержнем.

— Ты похожа на неформала в платье, Катерина, — выплёвывает он, проходя внутрь и поправляя стопку одежды. — Плечи разверни. Подбородок выше.

— Я стараюсь, пап...

— «Стараюсь» — для неудачников. Мне нужен результат.

Он подходит ближе. Я перестаю дышать. В его глазах нет тепла — только расчёт. Я знаю, что он видит: не дочь, а дефектный актив, который нужно срочно продать, пока срок годности не истёк.

— Сегодня у меня свадьба с Еленой, — цедит он, глядя на моё отражение. — Там будет пресса. Партнёры. Олег.

Я вздрагиваю, услышав это имя.

— Не смей меня позорить, — добавляет отец.

Он хватает меня за подбородок, поворачивая лицо к свету.

— Улыбайся. Молчи. И сделай что-нибудь с этим выражением лица — похожа на надутого хомяка. У тебя месяц, чтобы получить от Олега предложение. Не справишься — ты мне не дочь.

Наконец, он выходит.

Я остаюсь одна перед зеркалом в дурацком платье. Смотрю на своё отражение.

Бракованная кукла.

Глава 2

Катя

Гостиная в квартире отца напоминает музейный зал, в который по ошибке запустили толпу с бокалами шампанского. Здесь душно от запаха духов и лицемерия.

— Горько! — кричит кто-то из родственников.

Я морщусь, делая вид, что поправляю бретельку платья. Отец, Виктор Сергеевич Греков, целует свою жену, Елену Матвеевну. Выглядит это... правильно. Слишком правильно, чтобы быть правдой. Это не просто свадьба, это слияние активов. Две акулы бизнеса решили, что вместе жрать мелкую рыбу будет удобнее.

Отец отстраняется от Елены, берёт микрофон и, постучав по бокалу, требует тишины. Гул голосов стихает.

— Друзья, — его голос звучит уверенно. Хозяин жизни. — Сегодня особенный день. Мы с Еленой объединяем не только наши судьбы, но и империи. Это новый этап. И я рад представить вам человека, который станет ключевой фигурой в нашем холдинге.

Я скучающим взглядом скольжу по лицам гостей, пока отец не произносит имя, от которого у меня внутри всё натягивается, как струна.

— Олег Зайцев. Прошу любить и жаловать. Наш новый партнёр.

Толпа расступается. К отцу подходит Олег.

В чёрном костюме, который сидит на нём как вторая кожа. Высокий, широкоплечий, с холодным взглядом. Он кивает отцу, пожимает руку, а затем...

Отец поворачивает голову и смотрит прямо на меня. Его взгляд тяжёлый. Он словно говорит: «Смотри, Катя. Это твой шанс. Не подведи». Он, наверное, уже всё распланировал. Выгодный брак. Укрепление связей. Я для него — такой же актив, как акции компании.

Я чувствую, как Олег переводит взгляд на меня. В его глазах — лёд. Ни интереса, ни тепла. Только вежливое безразличие.

Я рефлекторно вздёргиваю подбородок. Выпрямляю спину так, что позвоночник хрустит. На губах появляется дерзкая усмешка. Я смотрю на него в упор, всем видом показывая: «Мне плевать. Ты мне неинтересен».

— Поздравляю, — одними губами произносит он, кивая мне, и сразу отворачивается к какому-то чиновнику.

Сердце колотится где-то в горле. Я делаю глоток шампанского, чтобы не выдать дрожь в руках.

Если бы ты знал, папа...

Если бы ты только знал, что мне и правда нравится Олег. Нравится до зуда под кожей. Я наблюдаю за ним уже полгода на этих приёмах. Но он... он никогда на меня не посмотрит. Для него я — папина дочка, прицеп к состоянию. Неинтересная дурочка в дорогой упаковке.

И от этой мысли мне хочется разбить бокал о стену.
А может, мне просто уйти с этого праздника жизни?

Ярик

В моей квартире, которую мать называет «притоном», дым стоит коромыслом. Басы долбят так, что вибрирует пол, а вместе с ним и стаканы на столе.

Я развалился на диване, раскинув руки. Рядом две девицы — кажется, модели, судя по ногам от ушей и пустым взглядам. Одна пытается кормить меня виноградом, другая гладит по груди, расстёгивая рубашку.

— Ярик, ну давай потанцуем, — мурлычет та, что справа. Блондинка. Или крашенная, плевать.

Мне скучно. Алкоголь уже не берёт, музыка раздражает, а эти куклы вызывают только тошноту. Я беру со стола бутылку виски, игнорируя стакан, и делаю глоток прямо из горла. Жидкость катится вниз, но не приносит облегчения.

Внезапно музыка обрывается. Становится тихо, слышно только, как кто-то хихикает в углу.

Я лениво открываю глаза.

В дверях — мать. Прямо в свадебном костюме, поверх которого пальто. Вид у неё такой, будто она вошла в общественный туалет на вокзале. Брезгливость и ярость.

— Вон, — тихо, но так, что стёкла дрожат, произносит она. — Все вон. Сейчас же.

Модели пищат, хватают сумочки и, цокая каблуками,

вылетают из квартиры. Друзья-собутыльники растворяются следом. Через минуту мы остаёмся одни.

Я даже не встаю. Сажу, ухмыляясь и крутя бутылку в руках.

— Чем обязан, Елена Матвеевна? Поздравляю со свадьбой. Как там ваш новый муж?

Она подлетает ко мне в два шага. Запах духов перебивает запах перегара.

Звонкая пощёчина обжигает щеку. Голова дёргается, но я не меняю позы. Только ухмылка становится шире.

— Ты... ничтожество, — шипит она, глядя сверху вниз. — Ты понимаешь, что творишь? Сегодня важный день! Слияние с Грековым! А ты устраиваешь... это!

Она обводит рукой комнату, заваленную бутылками и окурками.

— Если кто-то узнает... — голос срывается на визг. — Если кто-то узнает, что ты мой сын и ведёшь себя как последнее быдло... Ты опозоришь нас с Витей! Ты понимаешь это, щенок?

— С Витей, — медленно повторяю я, пробуя имя на вкус. — Боишься, что твой Виктор Сергеевич увидит моё истинное лицо?

— Заткнись! — она замахивается снова, но я перехватываю её руку. — Он и так уже понял, кто ты такой.

Смотрю ей в глаза. В них страх. Не за меня. За репутацию. За деньги.

— Ваша жизнь меня не интересует, — отпускаю её руку и откидываюсь на спинку дивана, закрывая глаза. — Иди к Грекову. Горько.

Она стоит ещё секунду, гневно дыша, потом резко разворачивается и уходит, хлопнув дверью.

Остаюсь в тишине. Щека горит. Наливаю себе ещё виски. Праздник продолжается.

Катя

Я влетаю в лифт, прижимая к груди рюкзак. Мой панцирь — старая толстовка — снова на мне, но руки дрожат. Только бы никого не встретить. Сбежать. Раствориться в каплях дождя.

Двери закрываются, лифт трогается вниз, но почти сразу останавливается. Двадцать четвёртый.

Створки разъезжаются.

Входит Ярик. В этот раз один — без свиты, без девиц. В кабине мгновенно становится нечем дышать. От него несёт алкоголем и чем-то ещё — опасностью, что ли. Костяшки пальцев сбиты. Взгляд — в никуда.

Он даже не смотрит на меня. Я для него — пустое место. Стена. Нажимает кнопку парковки и прислоняется затылком к зеркалу, закрывая глаза.

Я вжимаюсь в угол. Взгляд скользит по его фигуре — не могу удержаться.

— Пялишься, — роняет он, не открывая глаз.

Меня передёргивает.

— Я не пялюсь, — выходит жалко.

Он медленно открывает глаза и смотрит на меня. Окидывает взглядом голые щиколотки, мятое худы, волосы. Лицо ничего не выражает.

— Батя выгнал?

— Ещё чего, — пытаюсь говорить с вызовом, но при нём будто каменею.

Ярик молчит. Смотрит мне в глаза, и от этого взгляда щёки начинают гореть. Он видит мой страх. Видит, как я вцепилась в рюкзак.

— Неудивительно, что выгнал.

Не знаю, что он имел в виду, но понимаю по-своему: я уродина.

— Спасибо за комплимент. — Слёзы подступают к горлу.

— Зато мне повезло с мозгами, в отличие от некоторых.

Жду взрыва. Но он делает шаг ко мне. Ёжусь. Ярик нависает. От него жар идёт волнами.

Наклоняется к лицу. Алкоголь бьёт в нос.

— Мозги? — переспрашивает, глядя в душу. — Если у тебя и правда есть мозги, «сестрёнка», держись от меня подальше. Я плохая компания для девочек. Чем дальше, тем целее будешь.

Сестрёнка? Значит, это тот самый сын жены отца. Я что-то слышала о нём. Кажется, он тёмная личность.

Отстраняется.

Двери открываются. Он выходит, руки в карманах.

Выхожу следом. Меня трясёт — сама не знаю почему.

Но в его глазах я увидела ту же тьму, что живёт во мне.

Только у него она глубже. И это пугает больше всего.

Глава 3

Дождь хлещет по лицу. Я наматываю круги по району уже второй час. Кроссовки хлюпают, толстовка стала мокрой тряпкой. Мимо проносятся машины, обдают грязью. Всё равно.

В голове крутятся его слова.

«Держись от меня подальше».

Ярослав Медведев. Я даже фамилию его теперь знаю. Па-сынок Елены Матвеевны. Мой... сводный брат... От этой мысли становится дурно.

Но дело не в этом. Дело в его глазах. В том, как он смотрел на меня в лифте. Будто видел насквозь. Видел то, что я прячу даже от себя.

Домой возвращаюсь около трёх ночи. В подъезде темно, только дежурная подсветка. Охранник дремлет в будке. Проскальзываю мимо, оставляя мокрые следы на мраморе.

Ключ-карта. Писк замка. Я выдыхаю.

В прихожей темно. Снимаю кроссовки. Только бы добраться до комнаты незамеченной. Не хочу ни с кем говорить, а слушать — тем более. Всё, что нужно — горячий душ, сухая одежда и забыться. Ещё один день позади.

Задвину шторы и снова буду представлять, что мама вернулась и забрала меня. Что она вообще меня не бросала. Что это отец заставил её уехать.

Знаю, это всего лишь фантазии. Но так легче.

— Катерина.

Замираю.

— В кабинет. Немедленно.

Голос отца доносится из кабинета. Вижу силуэт в кресле.

Ждал.

— Я переоденусь.

— Потом переоденешься.

Этот тон я знаю. Спорить бессмысленно.

Иду к нему. С волос капает, одежда насквозь. Оставляю за собой мокрые следы.

Вспыхивает свет и после темноты режет глаза. На экране — заставка презентации. «Проект К.О.».

К.О. — Катерина—Олег?

Отец листает что-то в планшете. Я стою. Вода с носков впитывается в ковёр за полмиллиона. Мелкая месть.

Молчит. Его любимый приём — заставить ждать.

Считаю про себя, чтобы не сорваться. Двадцать один, двадцать два...

Слышу, как тикают настенные часы. Тридцать. Капля срысывается с волос. Тридцать пять. Он перелистывает страницу, хотя явно не читает.

На сорока восьми поднимает голову.

— Посмотри на себя.

Я смотрю. В стеклянных дверцах шкафа отражается чучело. Мокрые волосы, потёкшая тушь, толстовка липнет к

телу.

— На бомжиху похожа.

— Стилль гранж, — огрызаюсь. — В тренде.

Он игнорирует. Щёлкает пультом.

На экране появляется график.

Слайд первый.

— Ожидаемые потери от несостоявшегося слияния с компанией Зайцева — три миллиарда двести миллионов.

Щелчок. Слайд второй.

— Активы, которые мы получим через альянс — недвижимость в Москва-Сити, доля в IT-секторе, выход на азиатские рынки.

Щелчок. Таблицы, диаграммы, проценты.

Я — строчка в бизнес-плане. Актив.

— Будет слайд со мной в свадебном платье? — спрашиваю. — Для инвесторов.

Молчание.

Щелчок.

На экране — фотография. Света с мужем на премии «Финансист года». Она в вечернем платье от Dior, на шее — бриллианты. Он обнимает её за талию.

— Твоя сестра обеспечила контракт с ближневосточными партнёрами. Вышла за правильного человека. Сделка на восемьсот миллионов.

Пауза.

— Даже она справилась. При всей её... ограниченности.

Ограниченность — это про Светины мозги. Она красивая. А красота у нас — валюта.

— Теперь твоя очередь отработать инвестиции.

— Какие инвестиции?

— Элитная школа. Репетиторы. Одежда — которую ты всё равно не носишь. Всё это стоило денег. Моих денег.

Сжимаю кулаки. Ногти впиваются в ладони. Боль помогает молчать.

— Олег пока молчит. Уверен, он сомневается, глядя на тебя, хотя я давал прозрачные намёки. Но он мужчина и хочет женщину. И сделка нужна мне больше, чем ему. У тебя есть месяц. Месяц, чтобы он сделал тебе предложение.

Месяц. Чтобы полубог заинтересовался такой, как я.

— А если откажусь?

Отец откладывает планшет. Смотрит на меня. Будто обсуждаем поставку цемента.

— Квартиру на Арбате я продал. Твой трастовый фонд закрыт. Карты заблокирую одним звонком.

Встаёт. Подходит ближе. От него пахнет табаком и властью.

— Ты думаешь, у тебя есть выбор? Ты моя дочь. Значит, будешь делать, как я говорю.

Хочется рассмеяться. Или заплакать. Но я просто смотрю, как уголки его губ приподнимаются. Откидывается в кресле, сплетает пальцы на животе. Даже не смотрит на меня — зачем? Исход предрешён.

Выдерживает паузу. Достает из стопки папку. На обложке — «Ярослав Медведев — досье».

— Пополнение в семье.

Открывает. Фотография. Ярик после боя — лицо в крови.

— Сын жены. Драки. Связи с криминалом. — Листает. — Держись от этого отброса подальше.

— Я сама решу.

Слова вырываются раньше, чем успеваю подумать.

— Что ты сказала?

— Не твоё дело, от кого мне держаться подальше.

Тишина.

Он встаёт. Подходит.

— Всё, что касается тебя — моё дело. — Хватает за подбородок. Сжимает до боли. — Если ты опозоришь меня связью с её выродком — любого рода связью, я уничтожу вас обоих. Его посажу. — Отпускает. Я отшатываюсь. — А тебя вышвырну на улицу. Без моих денег долго не протянешь.

Молчу. Хочу и дальше казаться дерзкой, но чувствую, что расплачусь, если скажу хоть слово.

— Завтра ужин с Олегом. Восемь вечера. «Пушкин». Наденешь зелёное платье. И сделай что-нибудь с волосами.

Отец отворачивается. Разговор окончен.

Выхожу. Закрываю дверь.

Как добираюсь до комнаты — не помню. Сползаю по стене на пол.

Смотрю на ладони. Полумесяцы от ногтей. Кровь.

В груди рвётся. Зажимаю рот рукой.

Олег. Завтра ужин с Олегом, который смотрит сквозь меня. Он будет улыбаться, говорить комплименты — и думать о чём-то другом. Может, даже в щёку поцелует из вежливости.

Меня начинает трясти.

Иду в ванную и умываюсь холодной водой. Смотрю в зеркало. Размазанная тушь. Синяки под глазами. Неудивительно, что он меня не хочет.

Утро. Голова раскалывается. Глаза еле открываются. Подхожу к лифту — «Технические работы». Конечно. Именно сегодня.

Иду по лестнице. Этажом ниже распахивается дверь. Выходит девушка. Длинные ноги, идеальные волосы. Поправляет платье на ходу. За ней — Ярик. Без футболки. Волосы взъерошены.

Сердце колотится.

— Позвонишь? — она оборачивается.

Молчание. Ярик смотрит не на неё. На меня.

Девушка ждёт ещё несколько секунд. Фыркает. Уходит, стуча каблуками.

А он всё смотрит.

Медленный, тяжёлый взгляд скользит от растрёпанных волос к опухшим глазам, к помятому балахону.

Я застываю. Ноги не слушаются.

Ярик первым отводит взгляд. Закрывает дверь.
Считаю до десяти. Иду дальше.
В универ опаздываю на полчаса.

Глава 4

Проскальзываю в аудиторию — лекция уже идёт. Кроссовки предательски скрипят по паркету. Головы поворачиваются одна за другой. Идеальные укладки, свежий макияж, дорогие шмотки. Взгляды скользят по моей промокшей толстовке.

Пробираюсь к свободному месту в третьем ряду. Опускаюсь на стул, стараясь не шуметь, и стягиваю капюшон. Мокрые пряди прилипли к вискам. От меня пахнет дождём и улицей — среди парфюмерного облака аудитории это особенно заметно.

Марина сидит справа. Продолжает что-то печатать в телефоне. Бежевый кашемир без единой складки, волосы уложены прядь к пряди. От неё пахнет дорогими духами.

— Опоздала, — констатирует она, не отрываясь от экрана.

— Пробки. Такси не поймать.

Лёгкий кивок — тема закрыта.

Достаю тетрадь. Пальцы подрагивают от холода. Засовываю руки поглубже в рукава.

Марина, наконец, поворачивается. Её взгляд задерживается на капле, стекающей с моих волос на страницу.

— Кстати, — она разворачивает телефон. — Видела?

На экране — вчерашняя свадьба. Отец и Елена в центре кадра. А там, у фуршета — размытая фигура в изумрудном.

Я узнаю себя по сутулой спине.

— Листай комменты, — предлагает Марина с заботливой интонацией подруги.

«Это Катя Грекова?»

«Похоже на девушку из клининга лол»

«Зачем было тащить её на такое мероприятие»

Отвожу глаза.

— Просто подумала, лучше от меня узнаешь. — Марина прячет телефон в сумку.

— Мне плевать на их мнение. Делаю что хочу. А ещё у меня есть мозги.

— Знаешь, Кать, в МГИМО много умных. Но побеждают те, кто умеет подать себя. Ты же понимаешь, как выглядишь сейчас?

Молчу. В отражении окна вижу нас обеих — Марину, похожую на рекламу частной клиники, и себя. Мокрую. Рас-трёпанную.

Дверь аудитории открывается.

Входит декан. Он сияет.

— Коллеги, прошу внимания. Сегодня у нас мастер-класс от человека, который меняет правила игры на столичном рынке. Новый партнёр холдинга «Греков Групп» — Олег Зайцев.

По рядам пробегает шёпот. Девушки выпрямляют спины. Марина поправляет волосы, достаёт помаду. Воздух в аудитории меняется.

Олег входит. Идёт к кафедре. Тёмно-синий костюм сидит безупречно. Белая рубашка расстёгнута на одну пуговицу. Он ни на кого не смотрит, но кажется, что видит всех.

Он кладёт телефон на кафедру. Опирается руками о стойку.

— Доброе утро. Без прелюдий. Поговорим о рисках при слиянии капиталов.

Голос низкий. Спокойный. Уверенный. Я смотрю на него и не могу отвести взгляд. Он здесь, в моём университете. Это шанс.

Олег перечисляет этапы слияния. Цифры, графики, прогнозы. Делает эффектную паузу.

— Вопросы?

Молчание. Я поднимаю руку. Внутри всё сжимается в комок.

Олег медленно переводит взгляд. Находит меня. Левая бровь чуть приподнимается.

— Да?

Встаю. Колени предательски дрожат, но голос выравниваю:

— При оценке рисков слияния вы проигнорировали репутационный фактор. Токсичные активы холдинга Грекова могут обвалить капитализацию на двадцать процентов. Где в вашей модели этот расчёт?

Специально говорю «холдинг Грекова», а не «холдинг моего отца». Специально держу подбородок выше. Хочу ка-

заться смелой.

Тишина. Марина пинает меня под столом.

Олег улыбается — как взрослый улыбается ребёнку, изображающему серьёзность.

— Похвально, что вы следите за семейным бизнесом, Катерина Викторовна. Но давайте оставим разбор папиных сделок для домашнего ужина? Здесь у нас всё-таки академическая дискуссия.

Смешки. Негромкие, но я их слышу.

Сажусь с громким стуком — пусть думают, что специально. Откидываюсь на спинку стула, закидываю ногу на ногу. Изображаю скуку.

Руки прячу в карманы толстовки. Никто не должен видеть, как дрожат пальцы.

Марина шипит что-то про «совсем с ума сошла». Яжимаю плечами — мол, так и задумано. Я же местная бунтарка, разве нет? Пусть так и думают.

Хотя если честно... вопрос и правда получился идиотский. Просто хотелось показать, что я тоже что-то понимаю. Что я не пустое место.

Вышло наоборот.

— Следующий вопрос, — говорит Олег, уже не глядя в мою сторону.

Руку тянет Вика с первого ряда. Губы, декольте.

Она чуть наклоняется вперёд, когда встаёт.

— Олег Александрович, какие качества вы больше всего

цените в молодых специалистах?

Вопрос из разряда «как вам удаётся быть таким успешным». Банальщина. Жду, что он отошлёт её так же, как меня.

Но нет. Олег поворачивается к ней всем корпусом, улыбка становится заинтересованной.

— Хороший вопрос. Ценю инициативность. Умение правильно презентовать идеи. И, конечно, понимание корпоративной культуры.

Пауза. Он смотрит на неё дольше, чем нужно.

— Пришлите резюме моему секретарю.

Вика сияет. Аудитория гудит. Меня тошнит.

Жду у аудитории. Делаю вид, что изучаю расписание на стенде — уже минут пятнадцать изучаю.

Дверь открывается. Олег выходит в окружении свиты — декан, замдекана, та же Вика держится рядом. Он что-то рассказывает, жестикулирует. Вика смеётся, откидывая волосы.

— Олег Александрович.

Стараюсь, чтобы голос звучал уверенно.

Он оборачивается. Секунда — и на лице появляется узнавание.

— Коллеги, минутку, — говорит он декану. Подходит. — Катюш, ты что-то хотела?

— Я хотела объяснить, — говорю быстро. — Тот вопрос... Я не хотела смешивать личное. Я изучала отчётность. Там есть риски...

Он смотрит на часы.

— Кать, сегодня у нас ужин. Там и поговорим.

Он тут же отворачивается и уходит.

Я стою у стенда с расписанием. Но больше делать вид, что изучаю его, смысла нет.

Выхожу на улицу. Дождь. Капюшон не надеваю — какая разница.

Вода смывает тушь. Чувствую, как подводка расплывается под глазами. С утра красилась минут двадцать — наносила слой за слоем, как броню. Глупо. Макияж не спрячет то, что все и так видят.

Но каждое утро делаю то же самое. Чем толще слой подводки, тем проще притвориться, что мне плевать.

У входа — чёрный спорткар. Тонировка. Прохожу мимо. Короткий гудок.

Стекло опускается. Ярик за рулём. Он здесь?

Смотрит.

Сердце проваливается в желудок. Руки в карманы — быстро, пока не заметил, как дрожат.

— Садись.

Молчу. Он выдыхает дым, ждёт.

— Твой отец прислал.

— И ты послушал? — голос дрожит.

Ярик не отвечает, но взгляд его тяжелеет.

Сажусь. Дверь захлопывается. В салоне тепло, тихо. Только дождь по крыше.

Ярик смотрит в окно. Наблюдает, как Олег, садится в «Майбах».

Поворачивается ко мне. Изучает. Я отворачиваюсь.

Мы молчим.

Глава 5

Ярик

Дворники режут стену дождя. Моя тачка у главного входа.

Охрана не смеет подойти.

Я неподвижен. Смотрю прямо перед собой.

Греков прислал. «Заберёшь Катю. Отвезёшь в бутик».

Я бы не приехал. Но он знает про мастерскую. Про перебитые номера. Знает, как заставить.

Двери универа открываются.

Зайцев. Идёт так, будто земля должна быть благодарна за его шаги. Улыбается декану.

А потом — она.

Останавливается на верхней ступеньке. Без зонта. Дождь бьёт по лицу, стекает по волосам. Она как будто не чувствует.

Смотрит на Зайцева.

В её глазах — боль.

Я сжимаю руль до белых костяшек.

Не смотри на него так. Этот урод тебя недостойн.

Она делает шаг. Плечи опущены. Идёт прямо по лужам, не разбирая дороги.

Бью по рулю.

Она вздрагивает. Ищет глазами источник звука.

Опускаю стекло. Смотрю на неё.

— Садись.

Голос глухой. Сигарета тлеет между пальцами.
Она прячет руки в карманы — защита. Шаг назад.
— Твой отец прислал.
— И ты послушал?

Не объясняю. Просто жду.

Она дёргает дверь. Падает на сиденье. На кожу салона течёт вода.

Дрожит.

Зайцев садится в «Майбах». Уезжает.

Смотрю на неё.

Тушь размазана. Губы посинели от холода. Или от слёз.

Молчание давит.

Я знаю этот взгляд. Видел его в зеркале. Когда думаешь, что всё, к чему прикасаешься — превращается в пепел.

Не приближайся ко мне, девочка. Я разрушу и тебя.

Но говорю другое:

— Пристегнись.

Завожу мотор.

Катя

Молчание. Только мотор и дождь по стеклу.

Ярик ведёт жёстко. Резко перестраивается. Я вжимаюсь в сиденье. Меня кидает из стороны в сторону, но я не жалуясь. Пальцы вцепляются в ручку двери, и я смотрю в окно.

Я знаю, что выгляжу жалко. Знаю, что он видел. Видел, как я смотрела на Олега. Как стояла под дождём. Жалкая.

Щёки горят.

— Я могла бы... вызвать такси.

Голос чужой. Тихий.

Ярик не отвечает. Профиль каменный. Челюсть напряжена. Даже головы не поворачивает. Он злится. Злится на меня. На то, что возится со мной.

Почему ты приехал? Почему именно ты?

Останавливаемся у бутика в центре. Витрины сияют. Манекены в платьях стоят с задранными подбородками. Прямо как гости на свадьбе отца.

— Выходи.

— Зачем мы здесь?

Он, наконец, поворачивается. Смотрит на меня.

— Твой отец. Ты должна купить платье на ужин.

Меня пробирает дрожь.

— У меня есть что надеть.

Он оглядывает меня с ног до головы. Я ёжусь. Хочу исчезнуть. В его взгляде что-то мелькает, но я не успеваю понять, что именно — это быстро исчезает.

— Выходи.

Отворачивается к окну. Разговор окончен.

Ждёт.

Я открываю дверь.

Бутик. Мрамор. Хрусталь. Запах дорогих духов.

Администратор сканирует меня взглядом. Мокрые кеды. Потёртые джинсы. Раскрашенное лицо. Потёкшая тушь.

Её губы кривятся.

— Служебный вход со двора, — говорит холодно.

Ярик делает шаг.

Просто шаг. Но воздух меняется. Он возвышается над ней. Три секунды смотрит и молчит.

— Счёт на «Греков Групп», — произносит он тихо, но в голосе — сталь.

Женщина застывает. Презрение сменяется страхом, а затем она берёт себя в руки и становится вежливой.

— Конечно... Проходите. У нас новая коллекция...

Меня уводят. Ярик опускается в кресло в зоне ожидания. Достает телефон.

Я перестаю для него существовать.

Консультанты суетятся. Шёлк. Бархат. Блёстки.

— Вот это! — девушка держит розовое платье. — Тренд сезона. Будете как принцесса!

Розовый. Рюши. Всё, что я ненавижу. Это стоит огромных денег и совершенно мне не идёт.

Но я молчу. Беру вешалку и захожу за бархатную штору.

В зеркале — я. Мокрая. Размазанная. Сломанная.

Зачем я здесь?

За шторой — тишина. Но я чувствую. Он там.

Стягиваю мокрую толстовку. Джинсы липнут к ногам. Остаюсь в белье. Простое. Чёрное. Хлопковое.

Натягиваю платье. По размеру подходит, но мне не нравится, как сидит.

Купить и забыть? Всё равно не надену.

Снимаю платье.

Молния на боку заедает. Я ругаюсь, тянусь, выгибаю руку. Платье падает на пол. Локоть срывается и бьёт по штанге. Кольца визжат, и ткань отъезжает в сторону.

Замираю.

Я стою в одном белье. Прикрыться не успеваю.

Прямо напротив — Ярик.

Взгляд скользит по мне — от ключиц к животу и дальше к бёдрам. Он смотрит внимательно. Даже слишком. И молчит. Воздух густеет. Я не могу дышать. Не могу пошевелиться.

Шаги сзади.

— Девушка! Я принёс туфли!

Ярик реагирует сразу. Не отводя взгляда, встаёт, делает шаг и дёргает штору. Ткань падает между нами.

Руки дрожат.

Что это было?

— Всё в порядке? — голос консультанта рядом.

— Да, — хрипло отвечает Ярик. — Она переодевается. Не входите.

Я прижимаюсь спиной к зеркалу. Сердце выпрыгивает.

Поднимаю платье и примеряю его к лицу.

Розовый делает кожу серой. Фасон «бэби-долл» сидит нелепо. Я выгляжу как переросток в чужой одежде. Одеваюсь в свою.

— Берём, — говорю, выходя.

Пока я покупаю, Ярик выходит на улицу. Платье кладут в фирменный пакет. Я тоже выхожу. Дождь почти закончился. У выхода — Ярик, но уже не один.

Рядом с ним — брюнетка. Высокая, яркая. Короткое пальто, ботфорты. Я точно видела её в соседнем отделе. Она консультант. Держит его за рукав, крутит локон на пальце, что-то шепчет и улыбается. Трогает его за плечо. Я останавливаюсь в дверях. Пакет тянет руку.

Ярик поворачивается к девушке.

— Уйди, — говорит он.

— Ну Ярик... — тянет она.

— Придёшь вечером ко мне, — перебивает он. — А сейчас я занят.

Она поджимает губы, но уходит. Целует его в щёку — он даже не наклоняется.

Ярик подходит. Забирает пакет из моих рук.

— Поехали.

Иду за ним. Пакет в его руке качается в такт шагам.

Сажусь в машину и думаю о брюнетке.

Такая могла бы понравиться Олегу. Яркая. Смелая. Она знает себе цену.

Может, мне стать такой? Нормально накраситься. Надеть каблуки. Научиться касаться мужского плеча так небрежно. Улыбаться так, будто весь мир принадлежит мне.

Тогда Олег увидит меня. Заметит. Перестанет смотреть

СКВОЗЬ.

Но как? Где научиться быть такой? Кто покажет?

Я не умею. Никогда не умела.

Дождь начинается снова.

Глава 6

Машина останавливается у дома. Двигатель глохнет. Становится тихо.

Я тянусь к ручке двери, но влажные от волнения пальцы соскальзывают с хрома. Вытираю ладонь о джинсы, пытаюсь снова.

Ярик смотрит вперёд, на мокрый асфальт. Руки лежат на руле — смуглые, с выступающими венами. На скуле пульсирует жилка. Челюсть напряжена.

— Спасибо, — говорю я.

Он молчит. Достает пачку сигарет из кармана, крутит её в пальцах. На костяшках — шрамы.

Я толкаю дверь. Вместе с каплями дождя в салон врывается холодный аромат мокрого асфальта и прелых листьев.

— Не старайся, — говорит вдруг Ярик.

Я замираю. Одна нога уже на улице, кроссовок касается лужи. Оборачиваюсь через плечо. Ярик, наконец, поворачивает голову. Медленно, будто это стоит ему усилий. Глаза тёмные — почти чёрные в полумраке салона. В них ничего не прочитается.

— Что? — Мой голос срывается. Предательская дрожь в пальцах усиливается.

— Не старайся для него. — Он смотрит мне в глаза, не мигая. — Он слепой.

Меня обдаёт жаром — от шеи к щекам. Кожа горит. Злость поднимается откуда-то из живота горячей волной. Зачем он лезет? Почему именно он — из всех людей — видит то, что я отчаянно пытаюсь скрыть от посторонних глаз? Почему его взгляд пробивает мою броню из оверсайз-худи и напускного равнодушия?

Выскакиваю из машины. Хлопаю дверью со всей силы. Стою под дождём.

Слышу, как взвизгивают шины на мокром асфальте. Чёрный автомобиль срывается с места, фары прорезают туманную пелену. Машина исчезает за углом, оставляя меня одну на пустой улице.

В груди печёт.

На кровати — розовое платье. Пакет из бутика валяется на полу.

Я подхожу ближе. Ткань блестит в свете лампы. Рюши. Кружева. Цвет, который ненавижу. Отец хочет видеть меня такой. Послушной куклой. Красивой. Удобной.

Я касаюсь материи. Она холодная и скользкая. Представляю себя в этом платье. Я буду выглядеть как торт. Подарок в яркой упаковке.

Если я надену это, я предам себя. Стану просто вещью.

Хватаю платье и комкаю его. Запихиваю на самую дальнюю полку шкафа, в темноту. Закрываю дверцу. Дышу тяжело.

Открываю другую створку. Там висит мой чёрный костюм. Брюки, пиджак. Он старый, но сидит хорошо. Ткань плотная. В нём я чувствую себя защищённой. Это моя броня.

Надеваю белую рубашку. Застёгиваю пуговицы до самого горла. Надеваю брюки. Пиджак. Смотрю в зеркало. Бледная девушка с влажными волосами и чёрными стрелками на веках.

Это я.

Беру сумку. Выхожу.

Будь что будет.

В ресторане «Пушкин» официанты в белых перчатках. Они двигаются беззвучно между столами. На входе стоит девушка в чёрном платье. Проверяет бронь в планшете, не поднимая глаз.

— У вас забронировано?

— Столик Грекова.

Улыбка становится шире, но глаза остаются холодными.

— Прошу за мной.

Мы идём через зал. Я слышу стук своих ботинок. Вокруг — люди. Они едят, пьют вино, смеются. Кажется, у них всё хорошо.

Вижу отца. Он сидит у окна. Рядом Елена. Подхожу. Отец поднимает взгляд. Он скользит по моему пиджаку, по наглухо застёгнутому вороту рубашки. Уголки его губ опускаются. В глазах мелькает раздражение, а ещё угроза.

— Ты опоздала, — говорит он вместо приветствия.

— Пробки.

Он не верит. Знает, что я вру.

— Где платье? — голос тихий, но жёсткий. — Ярослав тебя отвёз в магазин?

При упоминании имени сына Елена дёргается. Она берёт бокал с водой и делает глоток. Её лицо ничего не выражает.

— Ничего не подошло, — говорю я.

Сажусь за стол. Стул скрипит.

— Не подошло, — шипит отец. — Или ты снова решила показать характер?

— Виктор, — тихо произносит Елена. — Люди смотрят.

Отец замолкает.

Я смотрю в тарелку. Белая скатерть слепит глаза.

Странно, но они говорят о Ярике, будто он просто водитель. Мне становится тошно.

— Олег задерживается, — отец смотрит на часы.

— У него важные переговоры, — говорит Елена.

В дверях — движение. Это Олег. Сердце делает болезненный удар в рёбра и падает в желудок. Он выглядит безупречно. Но он не один. С ним двое мужчин. Взрослые, солидные.

Они идут к нашему столику. Отец встаёт. Улыбается. Такой улыбки у него нет для меня.

— Простите за опоздание, — голос Олега звучит уверенно. — Встретил коллег из министерства. Решили совместить ужин и дело. Вы не против?

Вопрос риторический. Отец жмёт руки мужчинам. Олег кивает Елене. Потом поворачивается ко мне.

Я выпрямляю спину. Руки под столом комкают салфетку. Я смотрю на него. Жду.

— Добрый вечер, Катюша, — говорит он.

Официанты приносят дополнительные стулья. Меня пересаживают на край стола — теперь я сижу сбоку, будто случайно оказалась здесь. Отец и коллеги из министерства заказывают виски, Олег долго изучает меню, выбирает вино. Начинается разговор о делах — акции, тендеры, проценты. Голоса сливаются в монотонный гул. Я сижу молча, ковыряю вилкой в тарелке. Еда остывает. Но я всё равно не могу проглотить ни кусочка.

Олег смеётся над шуткой одного из партнёров. Он оживлён. Сыпет терминами. Я хочу, чтобы он посмотрел на меня. Просто посмотрел.

К столу подходит официантка — молодая, в белом переднике. Она наклоняется, ставит перед Олегом бокал.

— Ваше вино, — говорит она.

Олег поднимает голову и смотрит на неё. Улыбается. Это настоящая улыбка мужчины, которому нравится женщина.

— Спасибо, Анечка, — он читает имя на бейдже, растягивает слоги. — Вы сегодня очень внимательны.

Девушка краснеет, опускает глаза, но улыбается в ответ: — Рада стараться.

Он провожает её взглядом, пока она отходит к другому

столику. Я сижу рядом и чувствую себя прозрачной — стеклянной, пустой. Отец смотрит на меня с другого конца стола, и его взгляд обещает расправу. «Сиди и улыбайся», — говорит этот взгляд.

Я не могу. Воздуха не хватает, горло сжимает спазм. Резко встаю — стул с грохотом отъезжает назад.

— Я выйду, — говорю я.

Хватаю куртку и выскакиваю на улицу. Холодная вода мгновенно пропитывает одежду, волосы прилипают к лицу. Делаю глубокий вдох и опираюсь спиной о шершавую стену здания. Ноги дрожат.

Достаю телефон — экран становится мокрый от капель. Хочу услышать человеческий голос, но кому звонить? Марине, чтобы она снова сказала про «подать себя»? Отцу, который сидит там, внутри, и моего звонка явно не ждёт? Маме, номера которой я даже не знаю? У меня никого нет. Я стою одна в центре Москвы, и мне некому позвонить.

Телефон вибрирует в руке. Сообщение от неопределённого номера. Вытираю экран рукавом и открываю. Текст короткий:

«Ты сильнее, чем думаешь»

Перечитываю два раза. Кто это? Оглядываюсь — машины проносятся мимо, обдавая брызгами улицу, люди бегут под зонтами. Никто не смотрит на меня.

Значит, ошиблись номером. Но эти слова сейчас мне

очень нужны.

Вызываю такси и прячу телефон в карман. Когда машина подъезжает, сажусь на заднее сиденье.

— Поехали, — говорю я.

— Куда?

Называю адрес.

Вхожу в подъезд.

Прохожу мимо охранника и нажимаю кнопку лифта.

Я сбежала с ужина. Отец убьёт меня, заблокирует карты, выгонит из дома. Пусть.

Двери лифта разъезжаются. Делаю шаг внутрь, нажимаю кнопку своего этажа. В последний момент, когда двери уже начинают закрываться, кто-то проскальзывает в кабину.

Ярик.

Я вздрагиваю и, по-моему, слишком явно.

Он опирается плечом о стену кабины, руки в карманах куртки. Тоже мокрый — вода стекает с волос на плечи. Смотрит на меня, не отрываясь.

Двери закрываются. Лифт начинает движение вверх. Проходит несколько секунд — кабина дёргается, останавливается с металлическим скрежетом. Свет мигает и гаснет. Загорается тусклая аварийная лампа.

Глава 7

Тишина.

Прижимаюсь спиной к зеркалу, и холод от стекла пробивает сквозь мокрую ткань одежды. Чувствую каждый позвонок, прислонённый к ледяной поверхности.

Ярик стоит напротив, не шевелится. Руки в карманах, плечи расслаблены. Он спокоен — эта его способность оставаться неподвижным выводит меня из равновесия. Я жду, что он что-то скажет, но он молчит.

Красный свет делает его лицо нечитаемым. Вижу только блеск глаз в полумраке.

Меня начинает трясти. Сначала мелко дрожат руки — сжимаю кулаки, прячу их в карманы мокрых брюк. Ткань холодная, противная. Не помогает. Дрожь ползёт вверх к плечам, мышцы сводит, зубы начинают стучать. Сжимаю челюсти до боли в скулах, но стук всё равно прорывается.

Холод не снаружи — он внутри: в костях, в голове, под рёбрами. Одежда превратилась в ледяной компресс.

Пытаюсь выровнять дыхание и не могу.

Ярик поворачивает голову и смотрит. Его взгляд скользит по моему лицу, по трясущимся плечам, рукам, скрещённым на груди в попытке сохранить хоть немного тепла.

— Замёрзла? — голос ровный.

Хочу ответить «нет», показать, что всё в порядке, и я кон-

тролирую ситуацию. Но челюсть не слушается, язык деревянный.

— Д-да... — выходит жалкий хрип. Ненавижу себя за эту слабость.

Он делает шаг. Ещё один. Я вжимаюсь в зеркало сильнее, но отступать некуда.

Сползаю по стене вниз на ватных ногах. Сажусь на корточки, обхватываю колени руками, пытаюсь унять дрожь. Меня колотит так, что слышу стук собственных зубов.

Это не страх — это реакция тела на сегодняшний день и все дни, что были до него. Нервы сдали.

Ярик отклеивается от стены и делает шаг ко мне. В красном полумраке я вижу, как он стягивает кожаную куртку и бросает её на пол. Потом берётся за край футболки, тянет вверх.

Остаётся с голым торсом — на коже тени от мышц и чернила татуировок. Шрам на боку, шрам на плече. От него идёт жар, и в холодном воздухе кабины это чувствуется физически.

Он наклоняется ко мне.

— Вставай.

Я мотаю головой — не могу встать, меня трясёт.

Он берёт меня за локоть и дёргает вверх. Рывок резкий, я оказываюсь на ногах, но не могу удержать равновесие и падаю на него. Ладони упираются в его голую грудь — кожа горячая, сухая.

Ярик держит меня за плечи, ставит ровно.

— Снимай, — говорит он.

Я смотрю на него непонимающе, мозг работает медленно.

— Что?

— Снимай мокрое.

— Н-нет... — делаю шаг назад, упираюсь в зеркало.

Стыд обжигает лицо, но холод сильнее. Меня скручивает спазм.

— Не тупи, дочь Грекова.

Он подходит вплотную, его пальцы ложатся на полы куртки. Я пытаюсь перехватить его руки — мои пальцы ледяные, негнущиеся, слабые.

— Не трогай...

Он легко убирает мои руки, перехватывает оба моих запястья одной ладонью и держит. Смотрит в глаза.

Взгляд тяжёлый, тёмный. — Не дёргайся. Чего я там не видел? Вчера уже всё рассмотрел.

Меня обдаёт жаром. Он помнит — конечно, помнит.

Он отпускает мои руки, и я больше не сопротивляюсь. Сил нет, просто стою и трясусь.

Ярик стягивает с меня куртку, пиджак, бросает в угол. Тянется к пуговицам рубашки — мокрая ткань не поддается, пуговицы мелкие, скользкие.

Ярик чертыхается и рвёт верхнюю пуговицу. Она отскакивает, звякает об пол. Остальные он расстёгивает быстро, стягивает рубашку с плеч.

Холодный воздух касается кожи, и я вздрагиваю всем телом — хотя куда уж сильнее. Рубашка летит вслед за курткой.

Я остаюсь в чёрном белье и брюках.

Ярик не отворачивается — он смотрит. Взгляд скользит по плечам, ключицам, останавливается на правой руке.

Он перехватывает моё предплечье, поднимает руку выше к красному свету лампы. На внешней стороне руки — татуировка, большая бабочка. Я набила её в шестнадцать, назло отцу.

Ярик проводит большим пальцем по рисунку.

— Бабочка, — произносит он, поднимает глаза на меня.
— Похожа на тебя.

Я хочу вырвать руку, но он держит крепко. Ещё секунду смотрит — и отпускает.

— Руки вверх.

Послушно поднимаю руки, как кукла.

Он надевает на меня свою футболку. Ткань сухая, тёплая — хранит тепло его тела. Футболка огромная: плечи свисают где-то на уровне локтей, подол доходит до бёдер.

Ярик расправляет ткань, и меня сразу накрывает запах: табак, кожа, терпкий мужской дезодорант. Запах Ярика.

Он наклоняется, поднимает кожаную куртку и накидывает мне на плечи. Подкладка сухая. Дрожь начинается отступать.

Тепло.

Ярик передо мной — голый по пояс. Брюки у него тоже мокрые, но он, кажется, этого не замечает.

Он достаёт из кармана джинсов зажигалку. Щелчок — огонёк вспыхивает, разгоняя красный полумрак. Запах газа смешивается с ароматом его кожи.

Маленькое пламя дрожит между нами, бросая тёплые блики на лица. Мы смотрим друг на друга поверх огня и начинаем громче дышать.

Капли воды на его шее медленно скатываются к ключицам. Пульс неровно бьётся у основания горла. Вижу, как вздымается его грудь при каждом вдохе — всё чаще, всё глубже. Татуировки оживают в танце теней. Моё собственное дыхание сбивается в ответ.

Он рассматривает моё лицо с тем же сосредоточенным вниманием, с каким изучал татуировку на руке. Взгляд скользит по мокрым волосам, прилипшим к вискам, задерживается на губах — я невольно их приоткрываю — поднимается к глазам. В красноватом свете его зрачки кажутся бездонными.

Пламя нервно дрожит. Затем гаснет.

Если он приблизится...

Но между нами остаётся шаг. Половина шага. Воздух накаляется.

Слуха касается тихий выдох и едва различимый шорох ткани.

В наступившей темноте его дыхание — совсем близко.

Глава 8

— Согрелась? — спрашивает он.

Я киваю, понимая, что говорить всё ещё сложно, хотя теперь уже по совершенно другой причине.

Внезапно сверху раздаётся знакомый скрежет механизмов. Лампа несколько раз мигает, словно приходя в себя, и, наконец, загорается ровным светом. Кабина слегка дёргается и плавно трогается вверх.

И вот так просто вся магия исчезает. Мы снова превращаемся в двух обычных людей, застрявших в лифте по нелепой случайности.

Невольно перевожу взгляд на зеркало и вижу своё отражение — на мне огромная чёрная футболка и его куртка, в которой я совершенно теряюсь. Выгляжу нелепо, почти комично.

Рядом стоит Ярик — голый торс, руки небрежно засунуты в карманы джинсов. Он тоже смотрит на своё отражение, но в его взгляде читается полное равнодушие.

Лифт мягко останавливается, и двери с тихим шипением разъезжаются. Его этаж.

Он делает шаг к выходу, и я спохватываюсь:

— Постой. — Берусь за края куртки. — Я отдам...

Но Ярик лишь качает головой, останавливая меня жестом.

— Оставь. Занесёшь потом.

Он нажимает кнопку закрытия дверей и исчезает за поворотом коридора.

Двери закрываются, и лифт везёт меня дальше.

Следующий этаж — мой.

Отца ещё нет, Елены тоже. Квартира пуста.

Я иду в свою комнату, стараясь не шуметь — ковры поглощают шаги, но ощущение, будто я проникла на чужую территорию, не отпускает. Холодная ручка двери обжигает пальцы. Поворачиваю замок, и щелчок кажется оглушительно громким в тишине. Только теперь я выдыхаю.

Снимаю куртку — она тяжёлая, пропитанная запахом кожи и табачного дыма. Вешаю её в самый дальний угол гардеробной, прячу за чехлами с одеждой и задвигаю вешалки плотнее. Если отец увидит куртку — мне конец.

Стягиваю футболку, но наэлектризованная ткань липнет к телу. Сворачиваю её и кладу на нижнюю полку, под джинсы, которые отец считает слишком дешёвыми для дочери Грекова. Остаюсь в белье, и холод сразу покрывает кожу мурашками.

В ванной включаю воду и начинаю смывать косметику. Тру лицо, пока кожа не начинает гореть — хочу стереть с себя весь этот вечер. Ресторан, взгляд Олега, презрение отца. Хочу забыть сцену в лифте, но запах табака и дождя преследует.

Надеваю пижаму — мягкую, фланелевую — и залезаю на

подоконник. За окном темно, дождь уже перестал, но стёкла всё ещё мокрые. Город гудит внизу, но здесь, на высоте, тихо. Смотрю на свои руки — они дрожат. Сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Боль отрезвляет.

Слезаю с подоконника и подхожу к столу. Из среднего ящика достаю скетчбук — чёрная обложка потёрта на углах. Это моя секретная вещь, где я рисую то, что меня удивляет. Открываю чистую страницу и беру угольный карандаш, хотя ещё не знаю, что буду рисовать.

Рука движется сама, грифель шуршит по бумаге. Линия, ещё одна, затем изгиб и тень. Рисую не лицо — появляется линия плеча, ключица, шея. И тёмные узоры на коже.

В памяти всплывает лифт с красным аварийным светом. Я запомнила рисунок на его коже — вязь линий, острые углы, переплетения. Это не просто картинка, это часть его. Штрихую плотно, нажимая на карандаш так, что грифель начинает крошиться, а угольная пыль остаётся на пальцах.

На бумаге постепенно проступает фрагмент его тела. Та-туировка.

Слышу звук. Карандаш замирает. Звук из прихожей. Удар входной двери. Лязг замка. Голоса. Отец вернулся.

Сижу неподвижно, вслушиваясь в голоса за стеной.

— ...недопустимо, — шипит отец. — Она ушла посреди ужина. Оставила Зайцева.

— Витя, успокойся, — голос Елены звучит тише. — Она переволновалась. По сравнению с моим сволочным сыном

она просто ангел. Девочка молодая...

— Она не девочка. Она идиотка.

Шаги приближаются. Он идёт сюда.

Сердце бьётся о рёбра, дыхание перехватывает. Смотрю на скетчбук, на рисунок. Если он войдёт и увидит это — мужское тело, татуировки — он уничтожит всё. В прошлый раз, когда он нашёл мои рисунки, назвал их мазнёй душевнобольной и велел домработнице вынести «весь этот мусор». Я тогда еле успела спрятать блокнот.

Отец почти у двери. Я не дышу, смотрю на ручку — сейчас она повернётся.

Молчу. Горло сжато спазмом.

И тут его зовёт Елена — у неё что-то упало. Он уходит, но я знаю, что скоро вернётся.

Меня трясёт, зубы стучат. Не могу здесь оставаться — стены давят, потолок кажется слишком низким.

Вскакиваю и хватаю худи со стула, натягиваю поверх пижамы. Джинсы надевать некогда — остаюсь в пижамных штанах, заправляю их в носки и влезаю в новые кеды из шкафа. Беру скетчбук, прижимаю его к груди.

Осторожно открываю дверь — в коридоре пусто, свет горит только у кабинета. Бесшумно проскальзываю к выходу, открываю входную дверь и выхожу на лестничную площадку. Прохладно.

Смотрю вверх, на последний пролёт — там технический этаж и выход на крышу.

Бегу по ступеням, добираюсь до двадцать шестого этажа. Здесь голые стены покрыты серой краской, повсюду трубы, а в углу свалены какие-то мешки. Передо мной железная дверь с табличкой «Выход».

Дёргаю ручку — заперто. Сползаю спиной по стене и сажусь на корточки, обнимая колени и прижимая к себе скетчбук. Ну почему?

Слёзы подступают, и я злюсь на себя. Опять ною, опять жалею себя. Бракованная. Слабая. Кладу голову на колени, закрываю глаза и пытаюсь дышать ровно.

Скрежет замка заставляет меня вздрогнуть — звук доносится сверху. Кто-то открывает дверь с той стороны, и она распаивается, впуская порыв ветра, который ударяет мне в лицо.

В проёме стоит Ярик. Он такой высокий, что занимает всё пространство. Свет падает ему за спину, и я не вижу его лица — только силуэт с широкими плечами и расслабленной позой. Он смотрит на меня.

Я вжимаюсь в стену, ожидая язвительного замечания, но он молчит. Просто делает шаг назад, освобождая проход, и кивает в сторону крыши.

Медленно встаю на затёкшие ноги, сжимая скетчбук, и прохожу мимо него.

На крыше меня встречает сильный ветер — он забирается под худи и путает волосы. Подо мной раскинулся город, океан огней. Дороги пульсируют движением. Я делаю глубоко-

кий вдох.

Оборачиваюсь — Ярик вышел следом. Он закрывает дверь, но не на замок, затем идёт к парапету и садится на деревянный ящик. Достает сигареты, щёлкает зажигалкой. Огонёк на миг освещает его лицо — спокойное, с тёмными тяжёлыми глазами, устремлёнными на город.

— Садись, — говорит он низким, ровным голосом, кивая на соседний ящик.

Подхожу и сажусь, держа дистанцию — между нами остаётся полметра пустоты. Он курит, и дым улетает в ветер. Я смотрю на скетчбук, не решаясь нести его домой сейчас, когда отец настолько зол.

Оглядываюсь по сторонам. Крыша покрыта гудроном и гравием, повсюду вентиляционные трубы и антенны. Мой взгляд падает на вентиляционный короб за спиной Ярика — у основания отходит лист жести, открывая узкую, сухую и незаметную нишу.

Ярик поворачивает голову и прослеживает мой взгляд. Смотрит на нишу, потом на скетчбук. Не спрашивает ничего — просто делает затяжку, выпускает дым и отворачивается к городу. Это разрешение.

Встаю и подхожу к вентиляции. Приседаю и осторожно отгибаю край жести — внутри темно и сухо. Кладу скетчбук в нишу, заталкиваю поглубже и прикрываю жесть. Теперь ничего не видно.

Отряхиваю руки и оборачиваюсь. Ярик уже докурил и бросает окурок в банку у ног. Медленно поднимается и оказывается напротив меня, отбрасывая на меня тень. Он переводит взгляд на место, где я спрятала скетчбук, потом снова на меня. Ни слова. Разворачивается и идёт к двери.

— Эй, — мой голос срывается.

Он останавливается, не оборачиваясь. Ждёт.

— Ты... запрёшь дверь?

Он достаёт связку ключей, снимает один — маленький, с жёлтой головкой — и кладёт его на верхний наличник дверной коробки.

— Можешь приходить.

Дверь закрывается, и я остаюсь одна на крыше под чёрным небом. Подхожу к парапету и смотрю вниз, в бездну двора.

Делаю вдох полной грудью. Воздух вытесняет страх, и впервые за день я чувствую, что жива.

Глава 9

Я возвращаюсь на крышу день за днём, уже в третий раз. Жалею лишь о том, что не нашла это место раньше. Ключ с жёлтой головкой всё ещё жжёт карман, но здесь, наконец, я могу дышать.

Пытаюсь нарисовать линию горизонта, но рука предательски дрожит. В голове тикают часы — месяц, сказал отец. Прошла уже неделя. Олег не звонит, на сообщения отвечает односложно. Я для него пустое место, невидимка. Впрочем, это давно не новость.

Позади скрипит дверь. Вздрагиваю, захлопываю скетчбук и оборачиваюсь.

Ярик.

Он только что из душа — это очевидно по каплям воды, всё ещё блестящим на загорелой коже. Серое полотенце небрежно висит на шее, спускаясь на обнажённую грудь. Домашние штаны сидят опасно низко на узких бёдрах, обнажая рельефные линии пресса. Мокрые волосы потемнели, тяжёлые пряди падают на лоб, и он откидывает их резким движением головы. Капля срывается с виска, скользит по шее, по ключице, теряется где-то между мышцами груди. Татуировки на влажной коже кажутся ярче.

Сглатываю, осознавая, насколько откровенно его разглядываю.

Отвожу взгляд — на кеды, на шершавый гудрон под ногами. Щёки горят. Я видела парней в плавках на пляже, видела идеальные торсы в витринах. Но это совсем другое. От Ярика исходит густая, почти осязаемая энергия. Он занимает собой всё пространство крыши, весь воздух вокруг.

— Что, мужика не видела?

Поднимаю глаза. Он даже не думает прикрываться — стоит, расставив ноги, вытирает полотенцем влажные волосы. Смотрит сверху вниз, и от этого взгляда внизу живота сворачивается тугой узел.

— Видела, — голос предательски срывается.

Ярик хмыкает. Подходит к парапету, достаёт из кармана сигареты. Я смотрю на его широкую спину. На лопатке тянется длинный неровный шрам.

В голове созревает безумная мысль. Сейчас или никогда. Встаю на ватных ногах, делаю шаг к нему.

— Ярик.

Он выпускает дым в сторону города.

— Чего?

— Мне нужна твоя помощь.

Понимаю, какой бред сейчас скажу, но остановиться уже не могу.

Он поворачивает голову. Бровь изгибается в идеальной дуге. Сигарета замирает на полпути к губам.

— Говори.

Сцепляю пальцы в замок, пытаюсь унять дрожь.

— Ты парень.

— Проницательно.

— Ты видишь то, чего не вижу я. — Набираю воздух в лёгкие, слова царапают горло. — Знаешь, какие девушки нравятся... таким как ты. Хочу понять. Стать такой.

Пауза. Он изучает меня взглядом.

— Мне нравится хочешь?

Щёки вспыхивают.

— Нет! — выдыхаю слишком быстро. — Я не... не это имела в виду.

Ярик молчит. В тишине слышно, как колотится моё сердце.

Забытая сигарета тлеет между его пальцами. Он медленно разворачивается ко мне всем телом. Лицо каменеет, глаза темнеют до черноты. Бросает окурок в банку и делает шаг. Хочу отступить, но ноги приросли к крыше. Ещё шаг. Он совсем близко. От его тела исходит жар, накрывает меня волной.

Рука поднимается. Жёсткие пальцы обхватывают подбородок, приподнимают, заставляют смотреть прямо в глаза. Большой палец почти касается уголка губ.

— Достойной? — голос низкий. — Для кого?

— Я...

— Чушь. — Хватка становится жёстче. — Если придется стараться стать достойной — он тебе не нужен.

Взгляд прожигает насквозь.

— Мне надо... — шёпот срывается с губ.

— Уверена?

— Да.

— А выдержишь? — Он наклоняется ниже, дыхание обжигает щёку. — Вечно дрожишь как осиновый лист.

Слова задевают. В груди поднимается злость: не тебе решать, какая я. Хочется сказать это вслух. Вместо этого я поднимаю подбородок чуть выше.

— Я выдержу. Взамен проси что хочешь.

В тёмных глазах вспыхивает хищник. Секунда — и он убирает руку, отступает.

— Вечером приходи ко мне. — говорит. — Если не испугаешься.

Уходит.

А я прижимаю пальцы к горящему подбородку, где всё ещё чувствуется отпечаток его прикосновения. Я не уверена, что мне это понравилось. Но ещё меньше уверена, что хотела бы, чтобы этого не было.

В моей комнате тихо. Я стою перед шкафом. Худи лежит на стуле — мой привычный панцирь. Хочется надеть его, спрятаться, стать бесформенной. Но зачем тогда я всё это затеяла.

Отодвигаю худи. Достаю простую белую футболку без рукавов. Она облегает, но не душит. Надеваю джинсы. Расчёсываю волосы. В зеркале — бледное лицо, огромные глаза.

Я не красивая. Я обычная. Во всяком случае, я себе не нравлюсь.

Телефон на кровати вибрирует. Беру его. Сообщение. Номер не определён.

«Перестань стучаться в закрытую дверь. Обернись. Там может быть открыто».

Я перечитываю дважды. Что за ерунда? Спам? Но текст странный.

Кладу телефон в карман. Время идти.

Спускаюсь этажом ниже. Дверь не заперта — толкаю, и она поддаётся.

Внутри темно, душно от табачного дыма. Плотные шторы не пропускают свет. Повсюду хаос — пустые бутылки, боксёрские перчатки на полу, куртка на спинке дивана. На столе какие-то железки, спутанные провода.

— Ярик?

Тишина. Иду вглубь. Из приоткрытой двери ванной льётся свет, слышен шум воды. Потом — резкая тишина.

Он выходит, и я застываю.

Не из душа — это очевидно. Футболка грязная, местами порвана. Джинсы в пыли и крови. Но страшнее всего лицо — правая бровь рассечена, кровь заливает глаз, на скуле расцветает фиолетовая гематома. Губа разбита. Костяшки содраны до мяса.

Адреналин ещё держит — зрачки расширены, взгляд не

фокусируется.

— Уходи. — говорит он.

Проходит мимо, задевая плечом. Шатается. Падает на диван, запрокидывает голову. Кровь стекает по шее, пальцы мелко дрожат.

Любая нормальная девушка сбежала бы. Я — нет.

Иду в ванную. На полке — минимум вещей. В шкафчике нахожу перекись, вату, пластырь. Возвращаюсь. Он сидит с закрытыми глазами. Ставлю флакон на стол — звук заставляет его приоткрыть один глаз, целый.

— Я сказал уходи.

— Сядь ровно.

Откуда берётся эта смелость — не знаю. Он смотрит с удивлением, пытается усмехнуться, но морщится от боли.

— Доктор Айболит?

— Сядь нормально.

Он не спорит — сил на это нет. Послушно выпрямляется. Медленно стягивает футболку через голову, морщится, шипит сквозь зубы. Бросает её на пол.

Тело покрыто синяками. Свежие ссадины на рёбрах накладываются на старые шрамы. Открываю перекись дрожащими руками, смачиваю вату.

Подхожу вплотную, встаю между его разведённых колен. Он поднимает лицо ко мне. Касаюсь ватой рассечённой брови — он дёргается.

— Тише, — шепчу я.

Перекись шипит, пена окрашивается розовым. Смываю кровь слой за слоем. Его кожа обжигающе горячая, мои пальцы — ледяные. Этот контраст заставляет сердце биться чаще.

Он не отводит взгляда. Смотрит на моё лицо, скользит взглядом к губам, к шее.

— Больно? — спрашиваю, переходя к скуле.

— Бывало хуже.

Осторожно протираю разбитую губу. Вата касается уголка рта — он приоткрывает губы, делает резкий вдох. Моя рука замирает.

— Где ты так?

— Не твоё дело.

Хочу убрать руку, но не могу. Ярик медленно поднимает ладонь, перехватывает моё запястье. Пальцы в крови, но хватка неожиданно бережная. Он не сжимает — просто держит, и дрожь в моей руке усиливается.

Мы замираем. Моё лицо в сантиметрах от его. Вижу каждую пору на коже, каждую крапинку в радужке. Его дыхание касается моих губ. Время останавливается.

В дверь звонят — три коротких сигнала, затем удар кулаком.

— Открывайте! — голос отца пререзает тишину. — Я знаю, что ты здесь, Катерина!

Глава 10

Ярик

Держу её запястье, стараюсь не давить. Пальцы в крови. Она дрожит. Дрожь передаётся мне, проходит по руке и бьёт куда-то в солнечное сплетение.

Дёргается, пытаюсь вырваться. Не отпускаю.

Замираем. Её лицо в сантиметрах от моего. Вижу каждую крапинку в зелёной радужке. Она почти не дышит.

Считает себя некрасивой. Прячется за гримом. Но я вижу настоящую — странную, острую красоту, которая режет глаза. Хочу стереть с неё этот грим. Снять одежду, в которой она тонет. Не только для секса. Чтобы перестала прятаться.

Смотрю на губы. Сухие, покусанные, приоткрытые.

Хочу её. С первой встречи хочу, но молчу. Такой, как я — ломает. Человек с чернотой внутри не даст ничего хорошего другому. Всё, к чему прикасаюсь, становится грязью.

Значит, не прикоснусь.

Подаюсь вперёд. Совсем чуть-чуть. Только раз.

Звонок в дверь.

Три резких сигнала. Потом удар кулаком.

— Открывайте! — Голос Грекова. — Я знаю, что ты здесь, Катерина!

Она дёргается. Пытается вырваться и встать одновременно. Нога цепляется за ножку столика.

Падает. Прямо на меня.

Ловлю рефлекторно, забыв про рёбра. Боль простреливает бок. Шиплю сквозь зубы, но не отпускаю.

Она оказывается на мне. Колени на диване по обе стороны от моих бёдер. Мои ладони на её талии.

В замке скрежещет ключ.

Пытаемся расцепиться. Толкаю её вверх, она упирается ладонями мне в грудь.

Поздно.

Дверь распахивается.

Елена входит первой. За ней — её новый муж.

Замирают на пороге.

Тусклый свет. На полу — моя грязная футболка. На мне — Катя. Растрёпанная, с размазанной тушью, с красными пятнами на шее.

Картина однозначная.

Греков осматривает комнату брезгливо. Взгляд скользит по пустым бутылкам, по моему лицу, останавливается на дочери.

Катя сползает с меня. Встаёт. Трясётся так, что стучат зубы.

— Папа, это не то...

— Молчать.

Говорит тихо. Смотрит с ненавистью.

Переводит взгляд на меня.

— А ты... Знал, что ты отброс. Но не думал, что опустишь-

ся до этого.

Поднимаюсь с трудом. Рёбра горят. Встаю перед Катей, закрывая собой. Смотрю ему прямо в глаза.

— Мы ничего такого не делали.

Елена смеётся. Короткий, лающий звук. Подходит ближе. Меня мутит от запаха дорогих духов.

— Посмотри на них, Витя. Посмотри на этот притон. И какое время выбрали.

Виктор смотрит только на Катю.

— Ты такая же, как твоя мать. — В каждом слове лёд. — Та тоже любила грязь. Я вытащил её, отмыл, дал имя. А она сбежала с первым попавшимся ничтожеством.

Катя сжимается. Хватается за мой локоть.

— Не смей так с ней разговаривать. — рычу я.

— Заткнись! — Елена поворачивается ко мне. Лицо перекошено. — Ты всю жизнь мне испортил. Зачем я только тебя родила? Весь в папашу-уголовника. Я говорила, как важна репутация! Особенно сейчас! А ты тащишь в постель дочь моего мужа?

— Я никого не тащил.

— Ты шлюха, Катерина. — Виктор игнорирует нас. Смотрит дочери в глаза. — Дешёвая шлюха.

Хочу дать ему в лицо. Делаю шаг. Но Катя резко бросает мой локоть и выбегает из квартиры.

Папаша — за ней.

Мать орёт что-то, но я не слышу.

Думаю только об одном: нельзя оставлять её одну.
Это из-за меня её втоптали в грязь.

Катя

Бегу вверх по лестнице, домой. В ушах звенит.

Врываюсь в квартиру и сразу направляюсь в свою комнату, но не успеваю даже закрыть дверь — отец уже здесь. Набегает на меня, загоняя в угол.

— Ты как твоя мать, — в его глазах пылает ненависть, и он повторяет то, что уже выкрикнул у Ярика, словно заевшая пластинка. — Та тоже шлялась по мужикам. Опозорила меня перед всеми, а потом сбежала с каким-то ничтожеством.

Он подходит слишком близко, глаза блестят нездоровым огнём. Я никогда не видела его таким — будто что-то в нём сломалось.

— Папа...

— Не смей! — перебивает он. — Ты умерла для меня. Как и она. Мертва. Понимаешь?

Он и раньше кричал на меня, но это что-то другое — словно передо мной не отец, а обезумевший незнакомец.

Внезапно он хватает меня за руку и тащит к выходу. Я спотыкаюсь, пытаюсь вырваться, но его хватка железная.

— У меня есть только одна дочь — твоя сестра. А ты умерла. Вон отсюда!

Выталкивает меня за дверь и швыряет с такой силой, что я падаю. Колени горят от боли, но отец уже нависает надо

мною:

— Телефон. Карты. Ключ. Живо!

Трясущимися руками достаю всё из кармана и протягиваю ему.

— Увижу здесь — вызову полицию.

Дверь захлопывается с оглушительным грохотом.

Я остаюсь одна в подъезде — в джинсах и толстовке, без денег, без телефона, без дома.

Встаю с пола, чувствуя, как по лицу текут слёзы, и поднимаюсь по лестнице на крышу.

Едва открываю дверь, как холодный ветер с силой бьёт в лицо. На крыше темно, дождь льёт стеной, превращая всё вокруг в размытые серые пятна. Я бегу к вентиляционному коробу и падаю на колени прямо в лужу — вода мгновенно пропитывает джинсы.

Дрожащими пальцами отгибаю край жести и сую руку в темноту. Нащупываю твёрдую обложку — мой скетчбук. Прижимаю его к груди, прячу под толстовкой.

Медленно поднимаюсь и подхожу к парапету.

Внизу раскинулась Москва — миллионы огней, жёлтые, красные, белые, расплывающиеся из-за слёз и дождя в цветные пятна. Там, в этом море света, тепло. Люди едут домой, ужинают за семейными столами, смеются над чем-то простым и понятным.

У меня больше нет дома.

Стою и смотрю вниз, чувствуя, как высота тянет и манит. Лучше уйти отсюда. Но куда идти? Не знаю. Просто буду идти.

Разворачиваюсь и медленно бреду к выходу с крыши.

На улице пусто. Дождь барабанит по капюшону и плечам, кеды противно хлюпают при каждом шаге. Я бреду вдоль проспекта, не разбирая дороги, просто иду куда глаза глядят.

Холод пробирает до костей, зубы стучат так сильно, что начинает болеть челюсть. Мимо проносятся машины, обдавая меня фонтанами грязной воды, но мне всё равно — я уже вся промокла и испачкалась. Папа ведь так и сказал: я грязная.

Не знаю, сколько времени прошло — минута, может, час. Ноги гудят от усталости, и я нахожу скамейку под деревом. Опускаюсь на мокрые доски, обнимая себя руками в попытке сохранить хоть какие-то остатки тепла. Скetchбук под толстовкой неприятно давит на рёбра, но это единственное, что у меня осталось.

Я совсем одна. По-настоящему одна.

Яркий свет фар внезапно выхватывает меня из темноты. Щурюсь и прикрываюсь рукой от слепящего света.

Машина останавливается прямо напротив — чёрный хищный силуэт с тихо урчащим двигателем. Дверь со стороны пассажира медленно открывается, но из салона никто не выходит. Смотрю.

На месте водителя — Ярик.

Заставляю себя встать — ноги одеревенели и почти не гнутся от холода. Подхожу к машине и опускаюсь на сиденье. Захлопываю дверь, отсекая шум дождя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.